А. А. Черкасов, В. И. Меньковский. Демографическая динамика Советского Союза 1930-х гг. в современной Российской историографии. / Черкасов А. А., Меньковский В. И. // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5 /Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. — Мн.: БГУ, 2010. — С.230–234.

А. А. ЧЕРКАСОВ, В. И. МЕНЬКОВСКИЙ

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА 1930-х гг. В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рубеж тысячелетий стал для российской историографии временем пересмотра устоявшихся воззрений и возобновления дискуссий практически по всему комплексу проблем отечественной и мировой истории. Процессы критического осмысления накопленного знания в значительной степени затронули и советский период истории. Изучение новейшей истории России и Советского Союза является важной составной частью российской школы гуманитарных и социальных наук. Представляется интересным обратиться к анализу чрезвычайно близкой белорусским исследователям по методологическим, структурным и языковым традициям, но все-таки зарубежной российской историографии. Наличие общей истории исторической науки в рамках советской историографии, тесные организационные связи, единое языковое пространство, доступность российских публикаций для белорусских историков позволяют сделать это. Восприятие российской историографической проблематики в белорусской традиции представляет не только исследовательский, но и методологический интерес, что важно для сопоставления различных направлений мировой историографии, ее школ и методов, для определения уровня изученности одного из феноменов истории XX в. и выявления перспектив его дальнейшей разработки. Источниковую базу статьи составили научные труды российских исследователей по истории Советского Союза 1930-х гг., в которых демографическая динамика рассматривается как специальный объект изучения или анализируется в контексте других проблем этого периода советской истории.

Историческая демография в годы «перестройки». Внимание исторического сообщества к исторической демографии 1930-х гг. обозначилось в годы «перестройки». Именно тогда в публицистических в первую очередь и академических изданиях были поставлены вопросы о необходимости уточнения статистических данных, «лукавых цифрах» сталинского периода, политической подоплеке статистических манипуляций. Особое внимание читателей привлекла серия сборников «Перестройка: гласность, демократия, социализм». В томе «В человеческом измерении», который определялся издательством как «научная монография», были опубликованы диалог А. Вишневского и Л. Кузнецовой «Люди или население?», а также статья М. Тольца «Недоступное измерение» [1, 2]. В обеих публикациях анализировалась проблематика, связанная с оценками численности населения СССР 1930-х гг.

А. Вишневский озвучил некоторые принципиально новые для советского исследователя положения. Во-первых, он признал сам факт возможности фальсификации численности населения советской статистикой. Во-вторых, оценил вклад «западных исследователей» (Кон-квеста, Максудова) в оценку демографической ситуации в Советском Союзе 1930-х гг., как «гораздо больший», чем вклад советских демографов. В-третьих, определил ситуацию 1930-х гг. как «демографическую катастрофу», однако был достаточно осторожен с цифрами, ограничившись ссылками на руководителей советской статистики 1930—1950-х гг. и выразив свою оценку как «возможную» — «на протяжении большей части тридцатых годов численность

населения почти не росла, а в отдельные годы, возможно, и сокращалась». В-четвертых, А. Вишневский с болью вспомнил трагическую судьбу руководителей советского статистического ведомства — В. В. Осинского, И. А. Краваля, М. В. Курмана, И. Д. Верменичева.

Судьба советских статистиков станет неотъемлемой частью исследований по исторической демографии в начале 2000-х гг. Ниже мы остановимся на этих публикациях. Но А. Вишневскому удалось ярко, образно, убедительно показать как трагизм репрессированных, так и «призрачность процветания» внешне успешных руководителей. На примере Старовского, многолетнего руководителя государственной статистики СССР, он рисует картину издевательского отношения власти к этим людям. «Чтобы, не дай Бог, не возомнил о себе много (и он, и все его ведомство), не утратил бы навыков святой государственной лжи... Стоит ли удивляться, что статистическое ведомство в конце концов усвоило преподаваемые ему уроки, научилось не слишком придирчиво относиться к сомнительным цифрам, не

придавать большого значения методологическим тонкостям, а в первую голову заботиться о «благоприятности» показателей и гладкости статистических рядов».

В статье М. Тольца, из этого же сборника, термин «демографическая катастрофа» дополняется определением «катастрофа демографической статистики». Автор, определяя состояние советской статистической науки в 1930-е гг., пишет, что «для демографии наступили поистине черные времена. Материалы, отражающие демографическое развитие страны с начала 30-х годов, ученым стало невозможно получить даже в служебном порядке. Оставшиеся специалисты были вынуждены отказаться от исследований современной проблематики. Они переключаются на другие вопросы, часть вообще уходит от демографии в самые разные области знания. Важнейшее дело изучения современности замирает на долгие годы» [2].

В отношении собственно результатов переписей 1937 и 1939 гг. автор проявляет достаточную осторожность. Выражая признательность В. П. Данилову, Л. Е. Дарскому, А. Я. Кваше и ссылаясь на новые для того времени публикации [3, 4], М. Тольц подчеркивает, что демографы пока находятся в той стадии, когда из архивов наконец-то извлекаются недоступные многие годы материалы. В первую очередь это касается переписи 1937 г., которая была похоронена, казалось, навсегда. С его точки зрения, еще предстоит объективная научная экспертиза результатов переписей и «трудно предвосхищать ее выводы». М. Тольц напоминает, что о сохранении материалов переписи 1937 г. впервые было сообщено в журнале «Вопросы истории» в 1989 г. До этого ЦСУ и Госкомстат СССР отрицали даже сам факт сохранения данных переписи.

Такую же осторожную оценку перспектив реального анализа демографической ситуации Советского Союза 1930-х гг. сохраняет и А. Кваша в сборнике 1990 г. «СССР: демографический диагноз» [5]. Ставя вопрос о количестве погибших в 1930-е гг., автор с сожалением констатирует, что достоверных данных о численности рождений и смертей в этот период просто нет, поскольку итоги переписи 1937 г. не устроили Сталина, и «материалы переписи уничтожены». Итак, Кваша не знает (или сомневается) в сохранении данных переписи 1937 г. Он надеется, что «откроются архивы, и мы, наконец, сможем более полно сказать о наших потерях в эти годы». Однако общий тон остается пессимистическим, так как «архивы вряд ли содержат точные сведения, ведь они не отвечали интересам многих деятелей того времени, не заинтересованных в сохранности таких архивов, зачастую их просто не вели».

С грустью надо признать, что мы разделяем пессимизм А. Кваши в отношении докумен-товедения сталинского периода советской истории, полноты и достоверности архивных материалов этих лет. Но в некоторых случаях Клио оказалась на стороне современных исследователей. М. Булгаков, устами своего героя, говорил, что «рукописи не горят». Мы знаем, что на самом деле они прекрасно горят. Но не всегда. То же самое и с архивными материалами. При том, что огромное их количество уничтожено и, соответственно, никогда не станет объектом научного исторического анализа, многие действительно серьезные документы сохрани-

лись вопреки желанию их авторов или фигурантов. Ситуация с материалами переписей 1937 и 1939 гг. относится именно к этой категории.

Историография переписей 1937 и 1939 гг. В монографии В. Жиромской, И. Киселева, Ю. Полякова дан краткий обзор истории публикации материалов переписи 1937 г. [5, с. 4]. Авторы отмечают, что лишь в конце 1980-х гг. стало известно о том, что сохранившиеся материалы переписи находятся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Из всего массива данных (публикация переписи должна была составить около 100 томов) было обнаружено несколько десятков таблиц. В начале 1990-х гг. сохранившиеся итоги переписи были опубликованы [7]. Авторы отмечают, что, судя по жестокой расправе с переписью и ее руководителями, власти СССР не ожидали получить «столь объективной картины, обнажающей действительное положение вещей и в численности населения, и в уровне грамотности и образования, и в степени распространения атеизма и т. д.» [7, № 6, с. 7]. В статье приводятся данные из доклада И. А. Кроваля Сталину и Молотову о том, что «общая численность населения по переписи 6.01.1937 г. составила 162 003 225 человек, включая контингенты РККА и НКВД... Установленная численность населения значительно ниже той, которая ожидалась по данным текущего учета населения» [7, № 6, с. 9—10].

Спустя полгода после переписи судьба ее материалов все еще была неопределенной. Власть колебалась: дезавуировать результаты или опубликовать полученные данные. Но уже 25 сентября 1937 г. постановлением СНК СССР она была объявлена проведенной «с грубейшим нарушением элементарных основ статистической науки, а также с нарушением утвержденных правительством инструкций», ее организация была признана неудовлетворительной, материалы — дефектными. На январь 1939 г. назначалась новая перепись [8].

А. Вишневский пишет о том, что численность населения страны превратилась в тщательно охраняемую государственную тайну, потому что ее опубликование сразу сделало бы очевидной многолетнюю ложь власти и лично Сталина [9]. В 1934 г. на XVII съезде ВКП (б) Сталин назвал цифру населения СССР — 168 млн чел. Отталкиваясь от нее, советские эксперты ожидали, что перепись населения 1937 г. зафиксирует в стране 170—172 млн чел.

Откуда же возникла такая разница (около 8 млн чел.) в планируемой и реальной численности населения СССР? С точки зрения большинства исследователей, причины надо искать во внутренней политике советского руководства, в реалиях проведения массовой насильственной коллективизации, ускоренной индустриализации, снижении жизненного уровня, массовом голоде начала 1930-х гг. Авторы сборника «Демографическая модернизация России, 1900—2000» [10] отмечают, что данные о колоссальном росте смертности были засекречены. Далеко не все материалы имелись даже в органах государственной статистики. Общее повышение смертности, начавшееся с 1929 г., в 1933 г. превратилось в резкий взрывоопасный рост, который продолжался до лета 1934 г. [10, с. 409]. Исследователи используют для оценки «избыточного числа смертей» в СССР методологию, которую в российской историографии впервые применил в 1989 г. В. Цаплин [4] для расчетов смертности в РСФСР, а затем использовали Е. Андреев, Л. Дарский, Т. Харькова в работе 1998 г. [14]. По их подсчетам «избыточное число смертей» по СССР за 1932—1933 гг. составило 7,9 млн чел. [10, с. 411].

Следует отметить важный аспект исследования, вызывающий серьезные споры в постсоветской историографии. Мы имеем в виду региональную локализацию смертности от голода 1932—1933 гг. В последние годы резко обострился спор между российскими и украинскими историками по демографическим показателям голода в Украине и России. В качестве примера можно привести жесткую полемику между С. Кульчицким (Украина) и В. Кондра-шиным (Россия). Украинский историк отстаивает концепцию «голодомора», целенаправленно проводившегося советским руководством для уничтожения украинского народа, российский исследователь настаивает на равной интенсивности и последствиях голода для обеих территорий (об уровне и тоне дискуссии см., напр., 12).

Авторы сборника «Демографическая модернизация России, 1900—2000» указывают на то, что имеющаяся информация позволяет оценить отношение числа умерших в 1933 г. к среднему числу умерших в 1932 и 1934 гг. в регионах России от 1,1 в Сибири и на Дальнем Востоке до 2,6 в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. В Украине это отношение равно 3,2, и практически во всех областях оно выше максимальных значений по России [10, с. 410].

Демографическая история в контексте эпохи. Трагический аспект переписи 1937 г. был связан еще и с тем, что ее проведение пришлось на время разгула сталинских репрессий. Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП (б) 1937 г. призвал к выявлению и разоблачению врагов народа, которые к тому времени уже были обнаружены в целом ряде ведомств. Вскоре враги народа отыскались и в Центральном управлении народнохозяйственного учета (ЦУН-ХУ). В конце марта были арестованы начальник сектора населения, заместитель начальника отдела населения и здравоохранения М.В. Курман, начальник бюро переписи населения О. А. Квиткин, его заместитель Л. С. Брандгендлер (Бранд), заместитель начальника отдела учета транспорта и связи И. М. Обломов, начальник ЦУНХУ И. А. Краваль [8].

Якобы допущенный при переписи недоучет был приписан происками врагов народа. В закрытом письме бюро новой Всесоюзной переписи населения 1939 г. «О вредительских извращениях и организационных недостатках в проведении переписи населения 1937 г.», разосланном 10 декабря 1937 г. в местные органы народнохозяйственного учета, недостатки переписи описывались подробно. Организаторам переписи вменялось в вину, в частности, издание дополнительных указаний, запутывавших счетчиков переписи.

А. Г. Волков цитирует советскую прессу 1930-х гг. Так, в редакционной статье «Правды» говорилось: «Враги народа сделали все для того, чтобы извратить действительную цифру населения. Они давали счетчикам вредительские указания, в результате которых многочисленные группы граждан оказались не внесенными в переписные листы». «Блокнот агитатора» писал о переписи 1937 г.: «Советский народ очень сознательно отнесся к этому важнейшему государственному мероприятию. Однако это дело было сорвано презренными врагами народа — троцкистско-бухаринскими агентами фашизма, пробравшимися в то время к руководству ЦУНХУ... Славная советская разведка, во главе со сталинским наркомом товарищем Н. И. Ежовым, разгромила змеиное гнездо предателей в аппарате советской статистики» [8].

Понятно, что в такой обстановке следующая советская перепись 1939 г. должна была прежде всего отвечать политическому заказу руководства и ориентироваться на те цифры, которые еще до ее

проведения звучали с «высоких трибун». В марте 1939 г. в докладе на XVIII съезде ВКП (б) Сталин заявил, что численность населения СССР составляет 170 млн чел.

Е. Андреев, Л. Дарский, Т. Харькова приводят архивные свидетельства, подтверждающие, что работники госстатистики предвидели возможность того, что перепись 1939 г. может вновь показать меньшие цифры численности населения, чем те, которые назывались Сталиным [11]. Поэтому были введены «контрольные бланки», которые должны были гарантировать максимальную полноту учета населения и давали возможность «двойного счета».

По оценке М. Тольца, перепись 1939 г. дала цифру в 167,6 млн чел., которая была завышена почти на 3 млн чел. В официальные результаты переписи преднамеренно были включены данные на более чем 1 млн чел. из специальных бланков для проверки правильности счета в переписи («контрольные бланки»). После чего с учетом их общая цифра населения СССР была еще раз увеличена на один процент. Автор считает, что численность населения СССР к началу 1939 г. была меньше тех 168 млн, о которых Сталин объявил в 1934 г. на XVII съезде ВКП (б). Однако «окончательные результаты» переписи 1939 г., опубликованные ЦСУ в 1956 г. после смерти Сталина, содержали цифру около 170,6 млн чел. [13].

А. Вишневский, оценивая состояние советской демографической статистики после переписей 1937 и 1939 гг., отмечает, что вовсю шло засекречивание демографической информации, постепенно переходившее в ее фальсификацию. Были ликвидированы оба демографи-

ческих института: ленинградский — в 1934 г., киевский — в 1939 г. Почти исчезли демографические публикации. Жестокие репрессии обрушились на самих демографов. Информационное поле демографической статистики и исследовательское поле демографии представляли собой выжженную пустыню [9].

Оценивая историографическую составляющую изучения демографического состояния Советского Союза 1930-х гг., В. Жиромская назвала демографическую историю этого периода «неизученной во всем многообразии» и не случайно использовала в названии своей книги подзаголовок «взгляд в неизвестное» [14]. Изучение истории антигуманной сталинской системы накладывает серьезный эмоциональный и психологический отпечаток на работы исследователей. Однако новые идеи и методы современной историографии, отражающие изменения в историческом сознании общества и самосознании исследователей, постепенно приближают историческое сообщество как к постановке реальных вопросов о нашем прошлом, так и к поиску ответов на них.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вишневский, А.* Люди или население / А. Вишневский, Л. Кузнецова // В человеческом измерении / под ред. и с предисл. А. Вишневского. М. : Прогресс, 1989. С. 207—225.
2. *Тольц, М. С.* Недоступное измерение / М. С. Тольц // В человеческом измерении / под ред. и с предисл. А. Г. Вишневского. М. : Прогресс, 1989. С. 325—344.
3. *Данилов, В. П.* Дискуссии в западной прессе о голоде 1932—1933 гг. и «демографической катастрофе» 30—40-х годов в СССР / В. П. Данилов // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116—121.
4. *Цаплин, В. В.* Статистика жертв сталинизма в 30-е годы / В. В. Цаплин // Вопросы истории. 1989. № 4. 175—181.
5. *Кваша, А.* Цена побед / А. Кваша // СССР: демографический диагноз / сост. В. И. Мукомель. М. : Прогресс, 1990. С. 241—251.
6. *Жиромская, В.* Полвека под грифом секретно: Всесоюзная перепись населения 1937 г. / В. Жиромская, И. Киселев, Ю. Поляков. М. : Наука, 1996. 152 с.
7. *Поляков, Ю.* Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) / Ю. Поляков, В. Жиромская, И. Киселев // Социологические исследования. 1990. № 6—8.
8. *Волков, А. Г.* Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда / А. Г. Волков // История статистики. Вып. 3—5 (ч. II). М., 1990. http://www.demoscope.ru/ weekly/knigi/ polka/gold_fund08.html
9. *Вишневский, А.* Демография сталинской эпохи / А. Вишневский // Население и общество. № 70. 2003, март — апрель. http://www.demoscope.ru/acrobat/ps70.pdf
10. Демографическая модернизация России, 1900—2000 / под ред. А. Вишневского. М., 2006. 608 с.
11. *Андреев, Е.* Демографическая история России: 1927—1957 / Е. Андреев, Л. Дарский, Т. Харькова. М. : Информатика, 1998. 187 с.
12. *Кондрашин, В. В.* Международная конференция в Австралии по проблеме голода в мировой истории XX в. / В. В. Кондрашин // Государственная власть и крестьянство в конце XIX — начале XXI века: сб. статей. Коломна : КГПИ, 2009. С. 397—402.
13. *Тольц, М.* Тайны советской демографии / М. Тольц // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». http://demoscope.ru/weekly/ 2004/0171/analit06.php
14. *Жиромская, В. Б.* Демографическая истории России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное / В. Б. Жиромская. М. : РОССПЭН, 2001. 280 с.

SUMMARY

It is analyzed the modern Russian scientific literature concerning demographic history of the Soviet Union of 1930th. Studying of history of population censuses of the USSR 1937 and 1939. The article shows dependence of the Soviet statistics on the political power and falsification of results of population censuses.

Статья поступила в редакцию 7 сентября 2009 г